

ЕЛЕНА КОПС ЗАКОН ВОЛЖСКОГО ТЕЧЕНИЯ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Елена Копс

Закон волжского течения

«Автор»

2026

Копс Е.

Закон волжского течения / Е. Копс — «Автор», 2026

Жизнь московского нотариуса Полины Коршуновой расписана по минутам. Но странное наследство заставляет ее отменить сделки и отправиться в колоритный городок Светловодск на Волге. Тишина провинции оказывается обманчивой: в первую же ночь в старый дом вламывается вор, а наутро в реке находят убитого краеведа. Полина оказывается в центре смертельной игры. На кону — «Савёловский кошель», пропавшая век назад бесценная коллекция купеческого золота, за которой уже открыл охоту местный криминал. Выжить в этом водовороте тайн столичной гостье помогает Дмитрий Сабуров — бывший спецназовец и суровый хозяин речного порта. Вместе им предстоит расшифровать шифр, спрятанный в старинной книге рецептов, и опередить безжалостных врагов.

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Копс

Закон волжского течения

Глава 1

Москва плавилась, как творожный сырок на забытом солнцепеке.

Термометр в монументальном немецком внедорожнике Полины Коршуновой еще сорок минут назад застыл на отметке в плюс тридцать четыре градуса, но по ощущениям за лобовым стеклом простирался суший ад. Садовое кольцо стояло в глухой, безнадежной пробке. Раскаленный асфальт источал тяжелый, маслянистый дух, кондиционер в машине работал на пределе возможностей, надсадно подвывая где-то под капотом, а по радио какая-то невообразимо бодрая девица вещала о «настоящем карибском лете в столице».

Полина стиснула пальцы на кожаной оплётке руля. Её безупречный, отутюженный с утра брючный костюм из тончайшего серого льна, призванный демонстрировать клиентам строгую нотариальную элегантность, уже начинал предательски подминаться на спине. Нарочито аккуратная прическа — тяжелый узел темно-каштановых волос на затылке — казалась сейчас непомерной тяжестью.

Полина Коршунова любила порядок. Нет, не так: она боготворила порядок. В её тридцать два года вся её жизнь напоминала идеально выверенный нотариальный реестр, где каждая запись имела свой номер, дату и была заверена круглой печатью. Работа в престижной конторе в центре Москвы, строгий график, расписанный на две недели вперед, идеальная, прохладная однокомнатная квартира на Патриарших, где каждая вещь — от кофейной чашки до коврика в прихожей — знала свое строго отведенное место. Мужчин Полина в свою жизнь допускала дозированно, примерно так же, как сложные юридические дела: только после тщательной проверки документов и без каких-либо долгосрочных обязательств. Одиночество не пугало её, оно было её крепостью, её личной зоной абсолютного комфорта.

И вот теперь этот комфорт трещал по всем швам из-за одной-единственной глупости.

Все началось три дня назад, когда на её рабочий стол легло официальное уведомление из Светловодска — крошечного, затерянного на карте городка в Костромской области, где-то на самом берегу Волги. Извещение гласило, что её двоюродная тетка, Серафима Кузьминична Савёлова, скончалась на восемьдесят шестом году жизни, оставив Полине в наследство старинный деревянный дом и «имущество, в нем находящееся».

Полина едва помнила тетку Симу. В последний раз она видела её лет пятнадцать назад, еще девчонкой, когда родители в принудительном порядке отправляли её на пару недель «дышать речным воздухом». В памяти остались лишь смутные образы: огромные, до неприличия сладкие кусты малины у забора, вечный запах сушеных трав на веранде и тихий, скрипучий голос старухи, которая вечно что-то пересчитывала в своих бездонных сундуках. Родителей давно не было в живых, других близких родственников у Серафимы не осталось, и Полина оказалась единственной наследницей.

— Поля, ну это же абсурд! — заявила её помощница Катенька, когда Полина сообщила, что ей придется уехать на неделю. — Бросить контору в разгар июля? Ради чего? Ради полу-сгнившей избы в какой-то глухомани? Напиши отказ, пусть государство забирает! Ну или найми местного адвоката по доверенности, пусть продаст за копейки.

Полина тогда лишь строго посмотрела на Катеньку поверх очков в тонкой золотой оправе. Нанять кого-то? Доверить чужим рукам оформление документов? Для профессионального нотариуса Коршуновой это было сродни должностному преступлению. Наследство должно быть оформлено по закону, лично, с соблюдением всех юридических процедур. К тому же,

в глубине души, за плотным слоем московского цинизма и профессиональной деформации, шевельнулось странное, давно забытое чувство. Светловодск... Там ведь когда-то было так тихо. Так спокойно. Никаких пробок, никаких капризных клиентов, делящих миллионные счета, никакой удушающей ответственности.

«Просто съезжу, подпишу бумаги, осмотрю дом, выставлю его на продажу и вернусь», — успокаивала она себя, продвигаясь вперед еще на три несчастных метра в районе Таганки.

Поездка воспринималась ею как досадная, раздражающая обуза. Настоящее насилие над её драгоценным расписанием. Ей пришлось перенести три важные сделки, извиниться перед постоянными клиентами и оставить контору на Катеньку, которая хоть и была исполнительницей, но периодически путала параграфы Гражданского кодекса.

Час спустя Полина, наконец, бросила машину на подземной парковке своего дома, наспех покидала в огромный кожаный чемодан Samsonite несколько строгих блузок, пару джинсов (купленных когда-то для редких вылазок на корпоративные пикники и так ни разу не надеванных) и неизменные туфли-лодочки. Подумав, она добавила туда тяжелый ноутбук, папку с чистыми бланками и портативный принтер. Нотариус остается нотариусом даже в провинциальной ссылке.

На Ярославский вокзал она приехала в состоянии крайнего раздражения. Толпа, суета, крики носильщиков, тяжелый, липкий воздух перрона — всё это вызывало у неё почти физическое отторжение. Проводница ночного поезда Москва–Кинешма, полная женщина с усталыми глазами, посмотрела на дорожную одежду Полины и её холеные руки с безупречным французским маникюром с легким, едва заметным сочувствием.

— Куда вам, милая? — спросила она, проверяя электронный билет.

— До Светловодска, — сухо ответила Полина. — Точнее, до станции, которая ближе всего к нему. Там, кажется, автобус или такси?

— Автобус-то ходит, да только три раза в день, — вздохнула проводница. — Вы лучше частника возьмите. Там на привокзальной площади они вечно трутся. Только торгуйтесь, они с москвичей три шкуры дерут.

Полина заперлась в своем купе повышенной комфортности, включила кондиционер на полную мощность и попыталась работать. Но строгие юридические формулировки не лезли в голову. За окном мелькали серые подмосковные полустанки, постепенно сменяясь густыми, темными лесами. Поезд шел ходко, монотонно постукивая колесами, и этот ритм постепенно убаюкал Полину. Ей снился старый теткин дом, но почему-то в её сне окна дома были заколочены крест-накрест, а из-за двери доносился странный, ритмичный стук, похожий на падение тяжелых металлических предметов.

Проснувшись она от того, что поезд резко дернулся и замер. За окном стояло серое, туманное июльское утро.

Станция встретила Полину сонной тишиной и оглушительным, совершенно непривычным для москвича воздухом. Здесь не пахло бензином и гарью. Воздух был густым, влажным, пропитанным ароматами скошенной травы, речной сырости и — внезапно — сумасшедшим, приторно-сладким запахом цветущей липы. Этот запах буквально сбивал с ног, окутывал плотным коконом, заставляя дышать глубже.

Полина сошла на шербатый асфальт перрона, волоча за собой тяжелый чемодан. Пассажиры, выходивших на этой станции, было всего трое: какая-то бабушка с огромной клетчатой сумкой и хмурый мужчина в камуфляжной куртке.

На привокзальной площади, которая представляла собой небольшой пятячок между растрескавшимся зданием вокзала советской постройки и глухой стеной старых тополей, действительно стояло несколько машин. В основном это были выдавшие виды «Жигули» и потрепанные иномарки неопределенного возраста. Около одной из них — ядовито-желтой «Лады Гранты» — курил невысокий, кепке набекрень мужчина лет пятидесяти.

Полина решительно направилась к нему. Обувь на тонкой подошве мгновенно почувствовала все неровности местного покрытия: асфальт здесь, казалось, помнил еще времена до исторического материализма — он был раскаленным, пошедшим волнами и глубокими трещинами, сквозь которые буйно пробивался подорожник.

— До Светловодска довезете? — спросила Полина, стараясь, чтобы её голос звучал максимально деловито.

Водитель неторопливо затушил сигарету о подошву старого кроссовка, окинул Полину оценивающим взглядом — от дорогих часов на запястье до стильного чемодана — и хитро прищурился.

— Отчего не довезти? Довезем. Полторы тысячи, красавица.

Полина на секунду замерла. Она прекрасно понимала, что расстояние тут от силы километров тридцать, и цена завышена как минимум вдвое. В ней проснулся азарт юриста.

— Восемьсот, — четко произнесла она. — И чек за поездку. Мне для отчета.

Водитель поперхнулся воздухом и с уважением посмотрел на пассажирку.

— Ну, чека у меня, положим, отродясь не было, мы люди простые... Ладно, давай за тысячу. И чемодан твой тяжеленный я сам в багажник закину. Идет?

— Идет, — кивнула Полина, понимая, что это разумный компромисс.

Машина тронулась, и Светловодск начал постепенно проявляться сквозь пелену дорожных впечатлений. Дорога вилась среди холмов, то приближаясь к величественной, зеркально-гладкой в утреннем свете Волге, то ныряя в густые перелески. Чем ближе они подъезжали к городу, тем сильнее менялся пейзаж. Современные безликие заправки и бетонные коробки складов исчезли, уступая место совершенно иному миру.

Светловодск оказался удивительно колоритным. Он располагался на высоком крутом холме, амфитеатром спускавшемся к реке. Городок словно застрял где-то на стыке девятнадцатого и двадцатого веков, бережно сохранив дух богатого купеческого поселения. Машина медленно ехала по узким улицам, и Полина, прильнув к стеклу, с удивлением разглядывала окрестности. Здания из красного кирпича с массивными коваными воротами соседствовали здесь со старинными деревянными домами, украшенными такой кружевной резьбой, что они казались игрушечными, сказочными теремами. Наличники окон были вырезаны с такой любовью и тщательностью, что Полина невольно залюбовалась: деревянные птицы, причудливые цветы, виноградные лозы.

Однако благостную историческую картину то и дело портили приметы нового времени. Кое-где старинные фасады были грубо зашиты дешевым пластиковым сайдингом сайдинга, на купеческих балконах висели спутниковые тарелки, а на центральной площади, прямо напротив величественного, хотя и облупившегося собора, красовался аляповатый супермаркет с ярко-красной неоновой вывеской.

— Приехали, — объявил водитель, сворачивая в тихий, зеленый переулок, круто уходящий вверх от набережной. — Улица Нижняя Набережная, дом двенадцать. Тетки Серафимы владения.

Полина вышла из машины и замерла. Жара в городе уже начинала вступать в свои права. На часах было всего девять утра, но асфальт под ногами уже дышал зноем, а воздух казался неподвижным и густым.

Дом тети Серафимы стоял на самой вершине холма. Отсюда открывался умопомрачительный, захватывающий дух вид на Волгу — широкую, ленивую, блестящую под первыми лучами июльского солнца, словно расплавленное серебро. На противоположном берегу зеленой стеной стоял бескрайний лес.

Сам дом был большим, двухэтажным. Первый этаж — основательный, сложенный из потемневшего от времени дикого камня, второй — деревянный, из толстых, почерневших бревен. Когда-то этот дом явно принадлежал зажиточным людям, возможно, тем самым купцам

Савёловым, о которых упоминалось в семейных легендах. Но сейчас он выглядел запущенным и сиротливым. Огромный сад вокруг него зарос бурьяном, крапивой и дикой малиной. Старые яблони согнулись под тяжестью мелких, зеленых еще плодов. Веранда слегка покосилась, а резные наличники требовали срочной покраски.

Водитель выгрузил чемодан, получил свою тысячу рублей, пожелал Полине «не скучать в нашей глуши» и быстро уехал, оставив её один на один с тишиной.

Полина подошла к калитке. Та жалобно скрипнула, словно протестуя против чужого вторжения. В нос ударил резкий, густой запах полыни и крапивы. Она потянула за ручку тяжелой дубовой двери дома, достала из сумочки массивный старинный ключ, который ей передали в Москве вместе с документами, и попыталась вставить его в замочную скважину. Ключ не шел. Замок заржавел от речной сырости и не поддавался.

Полина чертыхнулась, уперлась каблуком в каменный порог и навалилась всем телом. Лодочка соскользнула, она едва не потеряла равновесие, чувствуя, как по спине начинает ползти капля пота. В этот момент за её спиной раздался громкий, сочный и удивительно бодрый голос:

— Да бог с тобой, милая! Кто ж так с замком-то воюет? С ним лаской надо, лаской! Он ведь Савёловский, еще царя Николая помнит, характерный!

Полина вздрогнула и резко обернулась.

У низкого штакетника, разделявшего два участка, стояла пожилая женщина. На вид ей было за семьдесят, но выглядела она на редкость крепкой и энергичной. На ней был пестрый ситцевый халат, поверх которого был повязан белоснежный, накрахмаленный фартук, а на голове красовался легкомысленный соломенный козырек от солнца. В руках женщина держала большую глиняную миску, доверху наполненную крупной, истекающей соком вишней.

— Здравствуйте, — настороженно произнесла Полина, поправляя съехавшие на нос очки.

— И тебе не хворать, москвичка! — женщина ловко толкнула калитку и размашистым шагом направилась прямо к Полине. — Я баба Надя, соседка твоя аккурат через забор. Тетку твою, Серафиму, почитай, сорок лет знала. И тебя помню! Ты ж Полинка, верно? Приезжала сюда пигалицей худосочной, всё книжки свои толстые читала, да нос воротила от парного молока. Ишь, вымахала какая! Красавица, чисто артистка из телевизора. Только бледная больно. В Москве вашей, чай, совсем солнца не видят, одни выхлопные газы?

Полина невольно улыбнулась. Столь нахрапистое, но совершенно искреннее простодушие сбивало её юридическую спесь.

— Да, я Полина. Приехала вот... Наследство оформить. А замок действительно не поддается.

— А ты его подергай, подергай и вправо крути, — баба Надя бесцеремонно отодвинула Полину плечом, поставила миску с вишней прямо на пыльное крыльцо и взялась за ключ своими узловатыми, сильными пальцами. — Вот так, сперва на себя потяни... Слышь, щелкнуло? Ну-ка...

Замок внутри двери утробно ухнул, заскрежетал, и тяжелая дверь медленно, с достоинством приоткрылась, явив миру прохладное, темное нутро дома, откуда пахло сухими травами, старой бумагой и застоявшимся за несколько недель одиночеством.

— Вот и ладушки! — обрадовалась баба Надя. — Заходи, хозяйка. Только ты там аккуратнее, Серафима-то в последние месяцы слаба ногами была, на второй этаж почитай и не ходила, всё внизу ютилась. Там пылицы, небось, вагон и маленькая тележка.

Полина заглянула в прихожую. Темные деревянные панели, старинное вешало для одежды с медными крючками, большое зеркало в тяжелой раме, покрытое слоем серой пыли. Ей стало не по себе. Этот дом казался слишком огромным для нее одной.

— Ладно, ты чемодан-то заноси, а сама к крыльцу возвращайся, — скомандовала баба Надя, усаживаясь прямо на верхнюю ступеньку веранды и ставя миску между колен. — Будем тебя кормить и в курс дел вводить. Ты ж с поезда, небось, маковой росинки во рту не держала? Кусок в горло в этих вагонах не лезет, знаю я.

— Спасибо, я не голодна, мне нужно распаковать вещи и... — попыталась возразить Полина, но баба Надя лишь замахала на нее руками.

— Садись, говорю! От вишни Савёловской еще никто не отказывался. Это у Серафимы в саду дерево особенное растет, дед её еще сажал. Сладкая — чисто мед! Садись, Поля, не обижай старуху.

Полина вздохнула, поняв, что сопротивление бесполезно. Она занесла чемодан в прохладные сени, прикрыла дверь и осторожно, стараясь не испачкать льняные брюки, присела на краешек деревянной ступеньки рядом с соседкой.

Вишня действительно оказалась потрясающей. Крупная, почти черная, теплая от утреннего солнца, она буквально взрывалась во рту сладким, с легкой кислинкой соком. Полина и не заметила, как съела добрую горсть, аккуратно складывая косточки на расстеленный бабой Надей клочок газеты.

— Вот то-то же, — удовлетворенно хмыкнула старуха. — А то «не голодна». Знаю я вас, столичных. Всё худеете, всё нервы свои лечите. А у нас тут лечить нечего — Волга рядом, воздух чистый, ешь свое, с огорода. Серафима-то, упокой Господь её душу, до последних дней сама возилась. Гордая была. Помощь редко принимала. Всё говорила: «Я, Надя, купеческого роду, мне чужого не надо, но и свое не отдам».

— Она сильно болела? — тихо спросила Полина. В ней проснулся чисто человеческий интерес к женщине, чью жизнь она теперь должна была юридически закрыть.

— Да не то чтобы сильно... Старость, Поленька. Сердце пошаливало. Уснула вечером, да и не проснулась. Тихо отошла, дай Бог каждому такую кончину, — баба Надя перекрестилась на золоченый купол собора, видневшийся между деревьями. — Мы её всем миром хоронили. Дмитрий Николаевич, хозяин порта нашего, всё организовал. Хороший мужик, правильный. Бывший военный, порядка строгого держится. Он твою тетку уважал, частенько заходил, помогал крышу подлатать, дров привезти.

— Дмитрий Николаевич? — переспросила Полина, мысленно делая отметку. — А почему именно он? Они были родственниками?

— Какое там! — махнула рукой баба Надя. — Просто человек душевный, хоть с виду и бирюк бирюком. Он у нас тут, можно сказать, главный по реке. Порт под ним, катера, баржи... Мужик серьезный. Женат не был отродясь, всё дела да дела. Ну да Бог с ним. Ты мне вот что скажи, Поля: ты надолго приехала-то? Дом продавать думаешь?

Полина замаялась. Говорить прямо в глаза этой любезной женщине, что она собирается избавиться от родового гнезда как можно скорее, было как-то неудобно.

— Ну... Мне нужно вступить в права наследования, разобраться с бумагами. А там видно будет. Дом большой, требует ухода, а у меня в Москве работа, практика...

— Практика-шмактика, — проворчала баба Надя, отправляя в рот очередную вишню. — Сбежите вы все в свою Москву, как тараканы в щели. Город-то у нас какой! История в каждом камне! Краевед наш, Аркадий Семенович, про этот дом целую лекцию в клубе читал. Говорил, тут до революции такие дела вершились! Чуть ли не золото тут купцы прятали, когда красные пришли.

Полина снисходительно улыбнулась.

— Ну, баба Надя, это обычные городские легенды. В каждом старом доме ищут купеческое золото. Я юрист, я верю только документам. В завещании и выписках из реестра указан только дом и земельный участок. Никакого золота там нет.

— Документы твои — бумага, — наставительно произнесла старуха. — А жизнь она шире. Аркадий Семенович, кстати, тебя дожидается. Он как узнал, что ты едешь, прямо извелся весь. Вчера ко мне подходил, спрашивал: «Когда, говорит, Надежда, племянница Серафимы прибудет? Мне ей что-то важное передать надо, касательно её тетки и дома». Просил передать, чтоб ты сегодня же вечером, как обустроишься, к нему на набережную подошла. Он там вечно на скамеечке у старого дебаркадера сидит, книжки свои пишет.

— Краевед? — Полина нахмурилась. — Зачем я ему?

— А Бог его знает. Он мужик ученый, но чудной. Всё по архивам пылится, всё какие-то тайны раскапывает. Ты сходи, Поля, не поленись. Он дед безобидный, одинокий, может, расскажет чего про семью твою, чего ты и сама не знаешь.

Полина вздохнула и посмотрела на часы. Было уже почти десять. Солнце припекало нещадно, асфальт в переулке буквально дышал жаром, и даже легкий ветерок с Волги не приносил прохлады. Ей страстно захотелось принять душ, переодеться во что-то менее официальное и хотя бы час побыть в тишине.

— Хорошо, баба Надя, спасибо за вишню и за информацию. Я, пожалуй, пойду обустриваться. Нужно хоть пыль разогнать.

— Иди, милая, иди, — баба Надя поднялась со ступеньки, подхватила миску. — Ты, ежели чего надо — ведро там, тряпку или молока парного — кричи через забор, не стесняйся. Я всегда на огороде.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но вдруг замерла у калитки. Лицо её из благодушно-сплетнического вдруг стало серьезным и каким-то встревоженным. Она оглянулась на пустую улицу, словно проверяя, не слушает ли кто их разговор, и шагнула обратно к крыльцу.

— Да, вот еще что, Поля... Ты это... дверь-то на засов запирай. И на ночь окна на первом этаже не открывай, хоть и жарища стоит несусветная.

Полина удивленно подняла брови.

— А что случилось? У вас здесь высокий уровень преступности? Мне казалось, в таких городках все друг друга знают.

— Знать-то знают, — баба Надя понизила голос до заговорщицкого шепота. — Да только времена нонче беспокойные. Народу чужого много шатается — туристы эти на теплоходах, строители, что дачи за городом богатеям строят... Да и свои есть... обормоты.

— Обормоты? — Полина невольно заразилась её таинственным тоном.

— Ну да. Ты вот слушай меня, старую. Крутился тут вчера вокруг твоего дома один тип подозрительный. Молодой еще, патлатый, куртка кожаная, хоть на дворе и теплынь. На мотоцикле своем дурном — трещит так, что святых выноси!

Полина почувствовала, как внутри шевельнулось легкое беспокойство, но постаралась сохранить невозмутимый вид.

— Ну, мало ли кто на мотоцикле ездит. Может, просто парень мимо проезжал?

— Мимо? Как бы не так! — баба Надя возмущенно фыркнула. — Он у калитки твоей минут десять стоял. Мотор заглушил и в щели забора высматривал. Прямо туда, на веранду глядел, да на окна второго этажа. Я из-за малинника за ним наблюдала. Он заметил, что я смотрю, зыркнул так недобро, зло, сплюнул, прыгнул на свой рыдван и умчался, аж пыль столбом! Глебка это был, племянник Лёвки-антиквара, точно тебе говорю! Тот еще прохвост, у него долгов по городу — как у дурака махорки, и рожа вечно приבלатненная. Ты уж мне поверь, Поля, просто так он около Серафимина дома тереться не станет. Искал чего-то, высматривал. Так что запирай ты от греха подальше.

Полина почувствовала, как по коже пробежал легкий холодок, несмотря на сильную жару. Образ вора в кожаной куртке, роющийся в её вещах, который привиделся ей в поезде, внезапно обрел реальные черты.

— Спасибо, баба Надя. Я буду осторожна, — серьезно ответила она.

— Вот и умница. Ну, бывай, хозяйка! — старушка наконец повернулась и быстрой, утиной походкой скрылась за своим штaketником.

Полина осталась одна на крыльце. Она посмотрела на тяжелую дубовую дверь, на заросший сад, где в мареве зноя лениво жужжали шмели, и на далекую, сверкающую реку. Ей вдруг показалось, что её идеальный, расписанный по минутам московский мир остался где-то на другой планете. А здесь, в этом раскаленном от солнца городке, пахнушем липой и речной водой, действовали совершенно другие законы. Законы, с которыми ей только предстояло познакомиться.

Она решительно шагнула через порог и закрыла за собой дверь, тщательно повернув старинный ключ ровно на два оборота. Вопреки совету бабы Нади, засов она задвигать не стала — посчитала это излишней провинциальной паранойей. Как выяснилось всего через несколько часов, это была её первая, и самая главная ошибка.

Глава 2

Дом внутри оказался огромным, гулким и совершенно нежилым. Когда за Полиной захлопнулась тяжелая дубовая дверь, отрезав звуки сонной купеческой улицы, её сразу окружила глубокая, почти осязаемая тишина. Она стояла в прихожей, и ей казалось, что она нарушила покой какого-то древнего, спящего существа.

Летний зной, который на улице казался невыносимым, сюда пробивался неохотно. Толстые стены первого каменного этажа надежно удерживали прохладу, но вместе с ней — и тяжелый, застоявшийся запах старого жилья. Это был сложный, многослойный аромат, состоящий из ноток высушенного пучками бессмертника, старой бумаги, нафталина, восковых свечей и того особого, едва уловимого духа вековой пыли, который невозможно перепутать ни с чем другим.

Полина вздохнула, аккуратно поставила свой элегантный чемодан на потемневшие от времени половицы и посмотрела на себя в огромное зеркало. Сквозь толстый слой серого налета на неё глядела бледная, уставшая женщина в измятом льняном костюме. Волосы слегка выбились из строгого узла, под глазами залегли тени от бессонной ночи в поезде.

— Ну что, Полина Андреевна, — негромко произнесла она вслух, и её голос прозвучал на удивление робко в этих огромных сенях. — Пора брать судьбу и тряпку в свои руки.

Первым делом она решила переодеться. Процесс разоблачения из брони столичного нотариуса в обычного человека стал для нее почти ритуальным. В одной из комнат первого этажа, которая когда-то служила тётё Серафиме спальней, она нашла старый, но крепкий диван, покрытый выцветшим гобеленовым покрывалом с изображением оленей у ручья. Полина решительно сбросила дорогие лодочки, стянула брюки и блузку, бережно повесив их на плечики, и достала из чемодана те самые джинсы и простую белую хлопковую футболку. Затянув волосы в тугий рабочий хвост, она почувствовала себя гораздо увереннее.

Теперь предстояла битва с пылью. Полина, привыкшая к идеальной чистоте своей квартиры, где дважды в неделю трудилась молчаливая и исполнительная женщина из клининговой компании, понятия не имела, с какого конца берутся за генеральную уборку такого масштаба. Но отступать было не в её правилах.

В кухне, где у стены высилась огромная, чисто выбеленная русская печь (явно не использовавшаяся по назначению последние лет тридцать), она обнаружила старое оцинкованное ведро и несколько чистых, хотя и жестких холщовых тряпок, аккуратно сложенных в ящике буфета. Вода из крана пошла не сразу: сначала трубы утробно зарычали, выплюнули струю ржавой, пахнущей железом жижи, но затем выровнялись, и потекла ледяная, прозрачная ключевая вода.

Полина открыла окна. Рамы поддавались с трудом, краска на них потрескалась и шелушилась, но когда створки наконец распахнулись, в дом хлынул яростный, горячий июльский день. Вместе с ним ворвался оглушительный шум цикад, крики стрижей над рекой и всё тот же сумасшедший, приторный аромат цветущей липы. Стало легче.

Она мыла полы, вытирала бесчисленные комоды, этажерки и тумбочки, и постепенно, слой за слоем, перед ней раскрывалась жизнь её предков. Здесь не было современной мебели из ДСП. Каждая вещь обладала весом, историей и характером. Массивный дубовый стол на гнутых ножках, резной буфет с потемневшими стеклами, за которыми тускло поблескивал старый кузнецовский фарфор, венские стулья с плетеными спинками.

На стенах в овальных рамах висели старые фотографии. Полина подолгу всматривалась в лица людей из ушедшей эпохи. Вот строгий мужчина с окладистой бородой и в купеческом сюртуке — её прапрадед. Рядом — его супруга в закрытом темном платье с кружевным ворот-

ничком, взгляд её был кротким, но твердым. Именно они строили этот дом, именно они ходили по этим самым половицам, которые сейчас скрипели под кроссовками Полины.

В углу гостиной, на маленьком круглом столике, она нашла старую шкатулку, обтянутую потертым бархатом. Внутри не было драгоценностей — лишь связка писем, перевязанных выцветшей атласной лентой, несколько пожелтевших газетных вырезок начала прошлого века и сломанные карманные часы. Полина осторожно коснулась пальцем холодного металла. Время здесь словно завязалось узлом, и она, сама того не замечая, становилась частью этого узла.

Часа через три непрерывной работы дом преобразился. Пыль отступила, обнажив благородную текстуру старого дерева. Полы блестели, окна пропускали чистый солнечный свет, который длинными золотыми полосами ложился на половицы. Полина, тяжело дыша и чувствуя приятную усталость в мышцах, присела на подоконник в гостиной.

Она посмотрела в окно, выходящее во двор, и её взгляд наткнулся на соседский участок. За низким, покосившимся штакетником, среди буйных зарослей смородины и укропа, стоял старый деревянный навес. Под ним, прямо на траве, сидел молодой человек.

Полина вспомнила слова бабы Нади о внуке-программисте из Питера. Это, очевидно, был он — Денис. На вид ему было около двадцати восьми лет. Высокий, худощавый, с копной растрепанных темно-русых волос. На нем были старые, испачканные мазутом шорты и растянутая серая майка. Рядом с ним на боку лежал древний, явно еще советский велосипед «Вязьма» или «Старт-шоссе». Парень хмуро и сосредоточенно возился с цепью, его пальцы были черны от смазки.

Что-то в его облике показалось Полине странным. В нем не было деревенской неторопливости. Наоборот, каждое его движение сквозило скрытым, подавленным напряжением. Он то и дело резко дергал цепь, замирал, тер лоб испачканной рукой, оставляя на коже темные полосы, а потом принимался за работу с какой-то яростью. Под глазами парня залегли глубокие тени — такие бывают у людей, которые неделями не спят нормально, сгорая на тяжелой работе или мучаясь от внутренних демонов.

В какой-то момент Денис словно почувствовал на себе чужой взгляд. Он резко вскинул голову и посмотрел прямо в открытое окно гостиной, где сидела Полина. Его глаза — темные, глубоко посаженные — заставили её внутренне подобраться. В этом взгляде не было соседского дружелюбия или обычного любопытства. Он смотрел хмуро, пристально, с какой-то тяжелой, давящей подозрительностью. Полина, не привыкшая пасовать перед мужчинами, не отвела глаз. Несколько секунд они молча разглядывали друг друга через забор, разделенные знойным июльским воздухом. Затем Денис резко отвернулся, поднял с травы гаечный ключ и с силой крутанул педаль велосипеда. Педаль заскрежетала со страшным, металлическим звуком.

Полина покачала головой. «Да уж, тихая провинция, — подумала она. — У каждого первого — скелеты в шкафу и нервный срыв на пороге».

Она отошла от окна и направилась на кухню. Ей отчаянно хотелось пить. В старом, урчащем холодильнике «Зил», который, к её удивлению, исправно работал, она обнаружила большую стеклянную банку с компотом. Видимо, баба Надя позаботилась о покойной подруге или принесла его уже для Полины. Компот был холодным, темно-рубиновым, из той самой сладкой савёловской вишни. Полина налила себе полный стакан, сделала несколько жадных глотков, чувствуя, как приятная прохлада разливается по телу, и в этот момент в парадную дверь негромко, но настойчиво постучали.

От неожиданности она едва не пролила компот. Стук повторился — три коротких, аккуратных удара, словно посетитель очень не хотел показаться навязчивым, но в то же время настаивал на своем присутствии.

Полина поставила стакан и пошла в прихожую. Она подошла к двери, помедлила секунду, вспомнив предупреждение бабы Нади о подозрительном мотоциклисте, но потом мысленно

обозвала себя трусихой. На дворе был разгар дня, солнце стояло в зените, а за забором, в конце концов, сидел хмурый, но вполне реальный Денис с гаечным ключом.

Она повернула ключ в замке и отворила дверь.

На крыльце стоял пожилой мужчина, и при первом же взгляде на него у Полины возникло стойкое ощущение, что он материализовался прямоком из чеховских рассказов. На нем был легкий, изрядно помятый, но безупречно чистый льняной костюм песочного цвета. Из нагрудного кармана пиджака трогательно выглядывал аккуратно сложенный носовой платок в клетку. На ногах красовались старые, начищенные до блеска кожаные туфли с перфорацией. В руках мужчина держал потертый кожаный портфель с массивной латунной защелкой, а на носу у него покоились круглые очки в тонкой роговой оправе, за которыми прятались удивительно живые, блестящие, но очень встревоженные глаза.

Мужчина быстро, как-то суетливо снял с головы соломенную шляпу со светлой лентой и прижал её к груди.

— Полина Андреевна? Бога ради, извините за вторжение! — голос его был высоким, слегка дребезжащим, но интеллигентным. — Я Аркадий Семенович. Местный, так сказать, хранитель древностей. Краевед. Надежда Ивановна, соседка ваша, изволила сообщить, что вы уже прибыли, и я... я просто не мог удержаться. Простите великодушно мою навязчивость!

Полина сразу узнала персонажа, о котором говорила баба Надя. Перед ней стоял тот самый чудаковатый местный историк.

— Здравствуйте, Аркадий Семенович, — мягко сказала она, отступая на шаг и открывая дверь шире. Юридическая настороженность уступила место профессиональному любопытству. — Баба Надя говорила о вас. Проходите, пожалуйста. Извините, у меня еще не совсем прибрано, но присесть есть где.

— Ах, что вы, что вы! — краевед семенящим шагом вошел в прихожую, озираясь по сторонам с благоговейным трепетом. — Этот дом... Боже мой, какая аура! Какая сохранность! Каждая половица здесь дышит историей. Серафима Кузьминична, святая душа, берегла его как зеницу ока.

Они прошли в гостиную. Аркадий Семенович осторожно, словно боялся повредить, присел на край венского стула, поставив портфель на колени и крепко обхватив его руками. Полина заметила, что его пальцы слегка подрагивают. Мужчина был явно не просто взволнован — он находился в состоянии глубокого, тщательно скрываемого стресса. На его лбу выступили мелкие капли пота, и он то и дело промокал их своим клетчатым платком.

— Жара сегодня просто египетская, — пробормотал он, виновато улыбаясь. — Сердце уже не то, совсем не то...

— Хотите холодного компота? — предложила Полина. — Мне как раз соседка оставила. Вишневый, очень освежает.

Глаза краеведа блеснули благодарностью. — О, не откажусь, Полина Андреевна. Вы крайне любезны. Старость — штука эгоистичная, требует влаги.

Полина ушла на кухню и вернулась с большим запотевшим стаканом. Аркадий Семенович принял его дрожащими руками, сделал несколько крупных, жадных глотков, зажмурился от удовольствия и аккуратно поставил стакан на стол, промокнув губы платком.

— Божественный нектар, — выдохнул он, и его лицо на секунду разгладилось. Но уже в следующий миг он снова подобрался, взгляд его стал серьезным и пронзительным. Он наклонился вперед, ближе к Полине, опустив портфель на пол у своих ног. — Полина Андреевна, я пришел к вам не просто с визитом вежливости. Дело чрезвычайной, я бы сказал, государственной... ну, для нашего города точно, важности. Речь идет о вашей тётушке. И о том, что она оставила.

Полина присела напротив него на диван, поджав под себя одну ногу. Профессиональная привычка слушать клиентов включилась на полную мощность.

— Я слушаю вас, Аркадий Семенович. Баба Надя упоминала, что вы хотели мне что-то передать.

Краевед воровато оглянулся на открытое окно, словно опасаясь, что их могут подслушать. Полина невольно проследила за его взглядом. Там, за забором, Денис всё еще возился со своим велосипедом, но теперь он работал молча, и, как показалось Полине, слишком уж внимательно прислушивался к звукам, доносившимся из её дома.

Аркадий Семенович заметил парня, нахмурился и понизил голос до шепота, отчего его дребезжащий тенор стал казаться зловещим.

— Стены имеют уши, голубушка. Особенно в нашем городке, где каждый куст умеет доносить... Вы, Москва, привыкли к масштабам, к анонимности. А у нас тут омут. Тихий, зеленый, провинциальный омут, на дне которого водятся такие черти, что упаси нас Господь.

— Вы меня пугаете, — ровно произнесла Полина, хотя внутри у нее нарастало глухое раздражение. Ей, как юристу, претили эти провинциальные загадки и театральные шепоты. — Давайте ближе к делу. Что конкретно вы хотите мне сказать?

Краевед вздохнул, поправил очки и судорожно сжал ладони.

— Хорошо. Прямо так прямо. Полина Андреевна, вы ведь знаете, кто такие были Савёловы? Ваши предки по материнской линии.

— Ну... Купцы первой гильдии. Владели здесь сукновальной фабрикой, пароходством, торговали по всей Волге. Обычная история для здешних мест. После революции их, разумеется, раскулачили.

— Обычная, да не совсем! — глаза Аркадия Семеновича лихорадочно блеснули. — Савёловы были не просто богаты. Савва Евлампиевич Савёлов, ваш прапрадед, был страстным, безумным коллекционером. Нумизматом! Он всю жизнь собирал уникальную коллекцию дореволюционных монет. Там были редчайшие экземпляры: золотые червонцы петровской эпохи, платиновые монеты Николая Первого, елизаветинские рубли... Цена этой коллекции сегодня, по самым скромным подсчетам международных аукционов — миллионы. Долларов, Полина Андреевна! Не рублей.

Полина снисходительно улыбнулась. Она слышала подобные сказки десятки раз от клиентов, которые делили полуразвалившиеся халупы в Подмоскovie, уверяя, что в подвале спрятан клад Наполеона.

— Аркадий Семенович, при всем уважении... Если бы эта коллекция существовала, большевики нашли бы её еще в девятнадцатом году. ЧК умело работать с купеческими закромами.

— Не нашли! — краевед почти выкрикнул это, но тут же испуганно зажал себе рот ладонью и снова покосился на окно. Денис за забором замер, удерживая в руке велосипедную цепь. — Не нашли, Поленька, — уже тише продолжил историк. — Савва Евлампиевич был человеком невероятного ума и хитрости. Он предвидел крах империи. За несколько месяцев до октябрьского переворота вся коллекция была надежно спрятана. Не здесь, не в подвале этого дома — тут искать бросились бы в первую очередь. Клад был укрыт в одном из портовых сооружений, которые тогда только строились.

— И где же он? — с легкой иронией спросила Полина.

— В том-то и фокус! — Аркадий Семенович подался еще ближе, от него пахло лавандовым одеколоном и старой бумагой. — Точное место знал только сам Савва и его старшая дочь, ваша прабабушка. Секрет передавался по женской линии. Последней хранительницей тайны была Серафима Кузьминична. Она знала, где монеты. Она долгие годы молчала, потому что в советское время за это можно было получить пулю или лагерь. А в девяностые... в девяностые она боялась бандюков. Но незадолго до смерти, буквально за две недели, она вызвала меня. Она знала, что я пишу книгу об истории города. Она плакала, Поля. Говорила, что на неё давят.

Полина внутренне подобралась. Ирония начала испаряться.

— Кто давит?

— Она не назвала имени, — лицо Аркадия Семеновича стало серым от страха. — Сказала только: «Респектабельные люди, Аркаша. Те, у кого сейчас в городе вся сила и все деньги. Они пронюхали про кошель Савёловых. Землю под домом хотят выкупить, порт перестроить, а меня — в дом престарелых или на кладбище». Она очень боялась. Но тайну им не открыла. Она оставила подсказку. Карту или шифр. И спрятала её... в вещах, которые оставила вам. Понимаете?

— Почему же она не отдала её вам, если так доверяла? — резонно спросила Полина, пронзая краеведа своим фирменным «прокурорским» взглядом.

— О, она хотела! — судорожно закивал мужчина. — Но не успела. Сказала: «Пусть Полинка приедет. Она девка умная, москвичка, юрист, она разберется. Ей это золото по праву принадлежит, пусть она город от этих иродов и спасет». А через два дня её нашли в постели... Я уверен, Поля, её смерть не была естественной! Ей помогли!

— Аркадий Семенович, это очень серьезное обвинение, — холодно прервала его Полина. — Есть медицинское заключение. Остановка сердца. Тёте было восемьдесят пять лет. В таком возрасте люди, увы, умирают сами.

— Ошибка! Роковая ошибка! — краевед вскочил со стула, заметался по комнате, заламывая руки. Портфель остался лежать на полу. — Они ищут! Они знают, что вы здесь. Тот погром... то есть, то, что происходит вокруг дома... Они не остановятся перед убийством, поверьте мне! Я сам... я сам нашел кое-что в городском архиве. Документ, который подтверждает, где именно Савва Савёлов арендовал землю в порту под склады в семнадцатом году. Это сужает район поисков до одного-единственного квадрата!

Полина поднялась вслед за ним. Ей стало по-настоящему неуютно. Безумие этого старика казалось заразительным.

— Какого квадрата? Что за документ?

Аркадий Семенович вдруг замер посреди гостиной. Его взгляд упал на окно. За забором Денис больше не чинил велосипед. Он стоял во весь рост, вытирая руки тряпкой, и в упор смотрел на них сквозь стекло. Его лицо было бледным, а губы сжаты в узкую линию.

Краевед вздрогнул, его лицо исказилось от ужаса. Он внезапно схватил свой портфель с пола, прижал его к себе, словно щит, и бросился к выходу.

— Мне пора. Я засиделся. На меня смотрят... все смотрят! — бормотал он, спотыкаясь о ковёр в прихожей.

— Аркадий Семенович, стойте! — Полина побежала за ним. — Вы не договорили! Что вы нашли в архиве?

Старик уже открыл входную дверь. Солнечный свет ослепил его, он обернулся к Полине, его очки съехали набок.

— Набережная. Сегодня вечером, в девять часов, — прошептал он лихорадочно. — У старого заброшенного дебаркадера. Там никого нет, там безопасно. Я принесу выписки из архива. Я всё вам отдам. Только умоляю вас, Полина Андреевна... не верьте никому в этом городе. Ни-ко-му! Особенно тем, кто кажется самым надежным.

Он выскочил на крыльцо, хлопнул калиткой и почти бегом пустился вниз по переулку, смешно размахивая своим кожаным портфелем и придерживая шляпу рукой.

Полина осталась стоять на пороге. Сердце её стучало чуть быстрее обычного. Она посмотрела в сторону соседского двора. Дениса под навесом уже не было. Велосипед лежал на траве, а дверь в дом бабы Нади была плотно закрыта.

— Сумасшедший дом, — тихо произнесла она, пытаясь вернуть себе привычное московское хладнокровие. — Обычный провинциальный сумасшедший на почве кладоискательства.

Однако внутри нее уже поселился червячок сомнения. Профессиональный инстинкт подсказывал, что Аркадий Семенович, при всей своей эксцентричности, не был сумасшедшим. Он был смертельно, по-настоящему напуган.

Оставшаяся часть дня прошла в подвешенном состоянии. Полина пыталась работать за ноутбуком, открыла сложный договор купли-продажи коммерческой недвижимости в подмосковных Мытищах, но строгие строчки с правами и обязанностями сторон расплывались перед глазами. Мысли постоянно возвращались к рассказу краеведа. Купеческое золото, старый порт, загадочная смерть тётки...

К семи часам вечера жара наконец начала спадать. Над Волгой потянулся легкий, прохладный ветерок. Небо из белесо-раскаленного стало нежно-розовым, а затем начало наливаться густым, золотисто-бордовым цветом заката.

Полина поняла, что ей нужно выйти из дома. Во-первых, подходил час встречи с Аркадием Семеновичем на набережной — и, вопреки здравому смыслу, она решила пойти. Во-вторых, у нее элементарно закончились запасы питьевой воды, да и съесть что-то более существенное, чем соседская вишня, не мешало бы.

Она накинула на плечи легкую джинсовую куртку, взяла сумочку и вышла на улицу.

Светловодск в вечерних сумерках казался еще более очаровательным и уютным, чем утром. Жара ушла, уступив место мягкому, бархатному теплу. Воздух был напоен запахами вечерней прохлады, речной тины и дымка от редких костров на том берегу. Местные жители неторопливо прогуливались по узким тротуарам, переговаривались через заборы, где-то лениво лаяла собака. Всё дышало покоем.

Полина спустилась к центральной площади, где красовался тот самый супермаркет, который она заметила еще утром. Его яркая неоновая вывеска ядовито-красным пятном выделялась на фоне старинных кирпичных стен бывших торговых рядов.

Внутри магазина было прохладно и пахло дешевым пластиком, выпечкой и стиральным порошком — стандартный набор любого сетевого супермаркета. Покупателей было немного: пара местных старушек, выбирающих пакеты с молоком, и двое мужчин в камуфляже, бравших пиво.

Полина взяла пластиковую корзину, положила туда пару бутылок минеральной воды, нарезку сыра, батон и упаковку йогурта. Она уже направлялась к кассе, когда её путь внезапно преградил высокий мужской силуэт.

— Опача... Какие люди в нашем захолустье! Неужто сама московская наследница пожаловала?

Голос был развязным, с легкой хрипотцой и неприятной, фальшивой дружелюбностью.

Полина остановилась и подняла глаза. Перед ней стоял парень лет двадцати пяти. По описанию бабы Нади она мгновенно узнала ночного гостя на мотоцикле. Глеб.

Он был довольно привлекателен той грубой, дворовой красотой, которая часто нравится глупеньким провинциальным девочкам. Коротко стриженные, зачесанные назад темные волосы, густые брови, дерзкий разрез серых глаз. На нем, несмотря на теплое летнее время, действительно была надета потертая черная кожаная куртка-косуха поверх грязноватой белой майки, узкие джинсы и массивные ботинки. От парня сильно пахло дешевым табаком, мятной жвачкой и тяжелым, приторным мужским парфюмом.

Он стоял, небрежно оперевшись локтем о полку с консервированным горошком, и с ног до головы осматривал Полину ленивым, раздевающим взглядом. Его правая рука поигрывала тяжелой серебряной цепочкой на шее.

Полина внутренне подобралась, её лицо мгновенно превратилось в непроницаемую маску. В Москве ей не раз приходилось сталкиваться с криминальными авторитетами средней руки и наглыми рейдерами, так что этот местный хулиган не мог её испугать. Но неприятный холодок по спине всё же пробежал.

— Извините, вы мне мешаете пройти, — холодно и четко произнесла она, делая шаг в сторону.

Глеб ловко переступил, снова перекрывая ей дорогу. На его губах заиграла наглая, прилипчивая ухмылка.

— Ну зачем так грубо, Полина... Андреевна, кажется? Зачем спешить? В нашем городе спешить не принято, это вам не Москва. Давай познакомимся. Я Глеб. Сосед, можно сказать. Дядя мой, Лев Соломонович, антикварную лавку держит на Большой Покровской, может, слышала? Мы люди известные, уважаемые.

— Мне не интересна ваша лавка и ваш дядя, — Полина сжала ручку корзины так, что побелели пальцы. — Отойдите, иначе я позову охрану.

Глеб весело хмыкнул, оглянувшись на скупающего у входа сонного охранника пенсионного возраста в растянутой форме.

— Охрану? Ну позови, позови, поболтаем вместе. Да ладно тебе, лахудра столичная, не хорохорься. Я ж по делу. Слышал, тётка твоя, Серафима, преставилась? Дом тебе оставила, хоромы царские на холме.

— Это не ваше дело.

— Как сказать, как сказать... — Глеб наклонился чуть ближе, его ухмылка исчезла, а глаза стали холодными и цепкими. — Тётка твоя старушка была с причудами. Всё барахло старое копила, сундуки запирала. Дядя мой, Лев Соломонович, ей при жизни хорошие деньги предлагал за кое-какие вещицы из буфета. Серебро там старинное, иконки... Она ни в какую. А теперь-то ей без надобности. Ты, я вижу, барышня деловая, в этой рухляди копать не станешь. Может, договоримся? Я подскочу вечером, посмотрю, что там к чему. Оценим по достоинству, дядя не обидит, кэшем отдаст. А?

Полина почувствовала, как к горлу подступает волна гнева, смешанная с отвращением. Она вспомнила слова бабы Нади о том, что этот парень высматривал что-то в окнах её дома всего день назад. Он явно искал не серебряные ложки.

— Послушайте меня, Глеб, — Полина звенящим, ледяным шепотом, от которого у её московских оппонентов обычно пропадало желание спорить. — Я нотариус. Я прекрасно знаю, как разговаривать с людьми вашего типа. Если я еще раз увижу вас около своего дома, забора или калитки, или если вы попытаетесь заговорить со мной на улице — завтра же на столе у начальника городского отдела полиции будет лежать заявление о преследовании и угрозах. И поверьте, у меня хватит связей в областном центре, чтобы этому заявлению дали самый быстрый ход. Вам всё понятно?

Ухмылка окончательно сползла с лица Глеба. Его глаза сузились, превратившись в две опасные щелочки. На щеках заходили желваки. Он явно не ожидал такого жесткого отпора от «столичной штучки».

Несколько секунд они стояли друг напротив друга — Полина, прямая как стрела, с высоко поднятой головой, и Глеб, застывший в агрессивной, пружинящей позе.

— Ишь ты, какая зубастая... — процедил он сквозь зубы, делая шаг назад, но не сводя с нее злобного взгляда. — Юристка, значит... Заявлениями пугаешь? Ну-ну. Смотри, Москва, как бы твои зубки здесь не обломались. Волга — река глубокая, течение у нас сильное. Бывает, люди уходят искупаться — и привет, ищи-свищи. А в тёткином доме... ты поаккуратнее с огоньком-то. Старое дерево, горит быстро, как спичка.

Это была прямая, неприкрытая угроза.

Глеб круто повернулся на каблуках, толкнул плечом проходящего мимо мужчину и быстрыми шагами вышел из магазина. Через полминуты с улицы донесся оглушительный, яростный треск мотоциклетного мотора без глушителя. Звук стремительно удалялся в сторону набережной.

Полину слегка трясло. Она подошла к кассе, на автомате расплатилась за покупки, едва замечая удивленный взгляд кассирши, и вышла на крыльцо супермаркета.

На город опускалась густая, синяя летняя ночь. На часах было без двадцати девять. Пора было идти на встречу к заброшенному дебаркадеру. После разговора с Глебом Полина окончательно поняла: Аркадий Семенович прав. Вокруг наследства тёти Серафимы закручивалось что-то по-настоящему опасное, и просто отсидеться в стороне у нее уже не получится. Нотариус Коршунова привыкла разбираться с проблемами лицом к лицу.

Она покрепче перехватила ремешок сумочки, в которой лежал тяжелый, надежный газовый баллончик — единственное её оружие, и решительно направилась вниз по темной улице, ведущей к реке. Течение событий подхватило её, и возврата назад уже не было.

Глава 3

Дорога к Волге занимала не более десяти минут, если идти ходко, но Полина двигалась не торопясь. Старая купеческая брусчатка, отполированная миллионами шагов за прошлый век, упрямо уходила вниз, к воде. В кроссовках идти было гораздо удобнее, чем в утренних лодочках, но Полина всё равно то и дело опускала взгляд под ноги — уличные фонари в Светловодске горели через один, да и те испускали тусклый, немощный желтоватый свет, едва пробивавший густые кроны старых лип.

Воздух сделался не просто теплым — он стал плотным, почти осязаемым, как тяжелое суконное одеяло. Пахло озоном, нагретым за день камнем и речной тиной. На горизонте, за бескрайними лесами противоположного берега, небо уже окрасилось в чернильно-фиолетовый цвет, и в этой густой темноте то и дело беззвучно, словно внутри гигантского матового плафона, вспыхивали далекие электрические разряды. Зарницы. Летняя гроза приближалась к городу со скоростью курьерского поезда, и Полина, воспитанная в строгих правилах столичного прагматизма, прекрасно понимала, что её прогулка имеет все шансы закончиться штормовым приключением.

Однако повернуть назад она не могла. В её аккуратной, разложенной по полочкам голове никак не укладывался этот странный, хаотичный день. Наглый Глеб в магазине с его недвусмысленными угрозами, испуганный до икоты краевед Аркадий Семенович с его безумными рассказами о миллионном купеческом кладе... Все эти люди ворвались в её жизнь без спросу, нарушив идеальный нотариальный регламент, и Полина страстно, до зуда в ладонях, хотела расставить точки над «і».

Набережная Светловодска встретила её абсолютным безлюдьем. Днем здесь наверняка бегали дети и прогуливались редкие курортники с заходящих в порт теплоходов, но сейчас, в десятом часу вечера, перед лицом надвигающейся бури, берег вымер. Широкая Волга казалась огромным зеркалом из черного стекла. Вода замерла, не слышно было даже легкого плеска волн — река словно затаила дыхание, ожидая удара стихии.

Старый заброшенный дебаркадер уныло высился метрах в пятидесяти от причальной стенки. Когда-то, в советские времена, это была двухэтажная деревянная пристань, выкрашенная в казенный бело-голубой цвет, куда швартовались стремительные «Ракеты» и «Метеоры». Теперь же дебаркадер напоминал огромный, выброшенный на мель корабль-призрак. Краска на его бортах давно слезла, обнажив серую, изъеденную грибом древесину, окна первого этажа были заколочены крест-накрест потемневшими досками, а крыша местами провалилась.

Полина остановилась у ржавого причального кнехта, к которому когда-то крепились толстые швартовы. На часах было ровно без пяти девять. Наручные швейцарские часы с тонким золотым ободком тускло блеснули в свете далекой зарницы.

— Аркадий Семенович! — негромко позвала она.

Голос прозвучал как-то плоско и сразу утонул в тяжелой, душной тишине. Никто не ответил. Лишь в зарослях прибрежного ивняка зашуршал поднявшийся из ниоткуда резкий, холодный порыв ветра. Он пронесся по набережной, поднял сухую пыль и так же внезапно стих.

Полина плотнее запахнула джинсовую куртку. Ей стало неуютно. Рассказы краеведа о «респектабельных людях», которые готовы на всё ради купеческого золота, больше не казались ей бредом одинокого старика. Одиночество этого места вдруг начало давить на психику. Она сунула руку в карман куртки, нащупав пальцами прохладный пластиковый корпус газового баллончика. Это немного успокоило её внутреннюю столичную штучку.

Девять часов. Ноль-ноль минут.

Набережная оставалась пустой. Аркадий Семенович не появился ни со стороны центрального спуска, ни из темноты береговой аллеи.

«Ну конечно, — подумала Полина с растущим раздражением. — Старик просто испугался непогоды. Или его престарелая сентиментальность уступила место здравому смыслу, и он решил остаться дома, пить свой вишневый компот. А я, как дура, стою на заброшенной пристани и жду у моря погоды».

В этот момент небо над Волгой раскололось.

Это не было плавной вспышкой зарницы — это был яростный, ослепительно-белый зигзаг, который на мгновение превратил ночь в полярный день. Полина увидела противоположный берег со всеми подробностями: каждую сосну, каждый изгиб песчаной косы. И почти одновременно город оглушил такой страшный, громовой раскат, что у Полины заложило уши. Земля под ногами явственно дрогнула.

В ту же секунду ветер, который до этого лишь робко пробовал силы, превратился в ревущий ураган. Он налетел с реки, мгновенно взломав зеркальную гладь воды. На Волге поднялись крутые, пенные волны, с шумом обрушившиеся на бетонные плиты набережной. Старый дебаркадер жалобно, протяжно закрипел всеми своими древними шпангоутами, словно живое существо, умоляющее о пощаде.

А затем пошел дождь. Он не начинался с редких капель — он обрушился сверху сплошной, тяжелой стеной, словно кто-то наверху перевернул гигантский резервуар.

— Черт, черт, черт! — вскрикнула Полина, мгновенно теряя всю свою напускную нота-риальную строгость.

Первые же тяжелые струи пробили её джинсовую куртку насквозь. Волосы, так аккуратно собранные в хвост, за секунду превратились в мокрые плети. Ни о каком ожидании больше не могло быть и речи. Спасая сумку с документами и телефоном, Полина прижала её к груди и, согнувшись под ударами ветра, бросилась обратно, вверх по крутому холму.

Этот подъем она запомнила на всю жизнь. Раскаленный за день асфальт и булыжники под первыми же потоками воды превратились в скользкое, опасное месиво. Кроссовки скользили по мыльной грязи, которую потоки воды несли сверху, из городских палисадников. Молнии полыхали теперь непрерывно, заливая Светловодск мертвенным, призрачным светом. Город казался декорацией к фильму-катастрофе: деревья гнулись до самой земли, срывая листву, старые вывески дребезжали, а ливневая канализация, не видевшая ремонта со времен постройки собора, не справлялась — Полина бежала фактически по щиколотку в бурлящей воде.

Когда она, задыхаясь и кашляя от летящих в лицо брызг, наконец ворвалась в переулок Нижней Набережной, сил у нее почти не осталось. Джинсы промокли до нитки и тяжелыми кандалами липли к ногам, футболка превратилась в ледяной компресс, а в кроссовках хлюпало при каждом шаге.

Дом тёти Серафимы встретил её темным, суровым силуэтом на фоне грозового неба. Окна были черны. В соседнем дворе, за штaketником, дом бабы Нади тоже стоял темным — очевидно, из-за грозы в этом районе города вырубил электричество. Ни один уличный фонарь больше не горел.

Полина взбежала на веранду, едва не поскользнувшись на мокрых досках. Пальцы, оочевенвшие от холодного ветра и дождя, отказывались слушаться. Она судорожно порылась в сумке, молясь, чтобы телефон не залило водой, выудила массивный ключ и с третьей попытки вставила его в замочную скважину. Ключ, помня утренний урок бабы Нади, она с силой потянула на себя и крутанула вправо.

Раздался спасительный щелчок. Полина навалилась плечом на тяжелую дверь, ворвалась в темные сени и с силой захлопнула дверь за собой, отсекая рев бури.

Внутри дома воцарилась относительная тишина, хотя тишиной это можно было назвать с большой натяжкой. Потоки воды с шумом лупили по железной крыше второго этажа, словно стоя безумных барабанщиков. Старые бревна стен гудели от напора ветра, а где-то на чердаке что-то мерно, раздражающе похлопывало — видимо, оторвался лист старого железа.

Полина стояла в крошечной тьме, тяжело дыша. Вода стекала с неё ручьями, образуя на свежевывмытых утренних половицах лужу.

— Так, спокойно, Коршунова, — прошептала она, пытаясь унять крупную дрожь, которая била всё тело. — Ты дома. Ты в безопасности. Это просто гроза. Обычное природное явление.

Она достала телефон. Экран светился, но связи не было — полоски сети исчезли, сменившись унылой надписью «Только экстренные вызовы». Зато работал фонарик. Яркий луч белого света разрезал темноту прихожей, выхватив из мрака пыльное зеркало и старинную вешалку.

Полина прошла в гостиную. Первым делом она проверила все окна, которые открывала днем во время уборки. К её облегчению, они были закрыты, но старые деревянные рамы вибрировали от ударов ветра, а сквозь щели на подоконники уже просачивались мелкие капли воды. Латы и шпингалеты были такими хлипкими, ржавыми, что Полина невольно усомнилась в их надежности. Но сделать ничего было нельзя.

Она вернулась в прихожую. Посмотрела на тяжелую дверь. Вспомнив напутствие бабы Нади и наглую рожу Глеба, Полина решила, что сейчас не время для столичного скепсиса. Она посветила фонариком на косяк и обнаружила огромный, кованый железный засов, который днем проигнорировала. Он был покрыт слоем старой смазки и ржавчины. Полина уперлась в него обеими руками и с силой толкнула. Засов со страшным, скрежещущим звуком вошел в паз.

— Вот теперь всё, — выдохнула она. — Сюда никто не войдет.

Она прошла в спальню первого этажа, где остался её чемодан. При свете телефонного фонарика Полина быстро скинула с себя мокрую одежду, растерлась жестким холщовым полотенцем, которое нашла в комод, докрасна, и переделась в сухое: свободные серые спортивные штаны и теплую флисовую толстовку с капюшоном. Стало намного уютнее.

Электричества по-прежнему не было. Полина поняла, что ужинать сыром и йогуртом в темноте ей совершенно не хочется. Ноги гудели, голова раскалывалась от перепада атмосферного давления. Единственное, чего ей сейчас хотелось — это залезть под одеяло и дожидаться утра. Утро, как известно, всегда приносит логику и порядок.

Она устроилась на старом диване с гобеленом, где были изображены олени. Положила телефон рядом, направив луч фонарика в потолок, чтобы комната освещалась мягким, рассеянным светом. Натянула на себя тяжелое ватное одеяло, которое пахло сухой лавандой и старостью. За окном продолжался ад: молнии вспыхивали каждые несколько секунд, озаряя комнату мертвенным синеватым светом, а гром грохотал так, что посуда в буфете на кухне жалобно звенела.

Постепенно монотонный, яростный шум дождя начал укачивать её. Мысли Полины путались. Ей казалось, что она плывет на старом дебаркадере по бурлящей, золотой от купеческих монет Волге, а на капитанском мостике стоит Глеб в кожаной куртке и крутит руль, который почему-то сделан из огромного швейцарского хронографа...

Она проснулась мгновенно. Без переходного состояния между сном и явью.

В комнате было темно — фонарик телефона погас, видимо, сработал таймер отключения или сел аккумулятор. Но дело было не в темноте. Её вытолкнул из сна звук. Звук, который никак не вписывался в естественный шум грозы.

Дождь за окном немного утих, сменившись ровным, густым шуршанием, а грозовой фронт ушел дальше за реку — раскаты грома теперь звучали глухо и отдаленно. Но именно в этой относительной тишине Полина услышала его.

Со стороны веранды, которая примыкала к задней части дома и выходила в заросший сад, донесся отчетливый, резкий скрежет. Так звучит металл, когда им пытаются поддеть старое, сухое дерево. Кто-то ковырялся в замке верандной двери.

У Полины перехватило дыхание. Сердце сделало бешеный кувырок и застряло где-то в горле, мешая дышать. Всё тело мгновенно покрылось липким, холодным потом. Она замерла под тяжелым одеялом, превратившись в слух.

«Может, показалось? — судорожно подумала она. — Может, это ветка яблони стучит по стеклу? Да, конечно, это просто ветка...»

И тут же её иллюзии разлетелись в прах. Раздался короткий, сухой треск раскалываемого дерева, а затем глухой звон разбитого стекла. Кто-то просто выставил оконное стекло в двери веранды. Полина услышала, как осколки с тихим шуршанием посыпались на крашеный пол веранды. Затем хлопнула створка, и наступила тишина. Но эта тишина была еще страшнее — это была тишина присутствия. Чужак вошел в дом.

Паника, настоящая, дикая, животная паника едва не парализовала её. Полина Коршунова, успешный московский юрист, привыкшая управлять своей жизнью с помощью законов и параграфов, вдруг поняла, что в этой темной купеческой избе никакие законы не работают. Здесь был только один закон — закон силы. И этот силуэт сейчас находился на её первом этаже.

Шаги. Тяжелые, осторожные, но отчетливые шаги человека в массивной обуви. Половицы в коридоре заскрипели. Ночной гость шел медленно, очевидно, пробираясь на ощупь или подсвечивая себе чем-то очень слабым.

Полина поняла, что оставаться на диване нельзя. Если вор войдет в спальню, она окажется в ловушке, прижатая к стене. Бежать через парадную дверь? Но коридор один, и путь к выходу перекрыт чужаком. Окно? Она бросила взгляд на раму спальни — шпингалеты заклинило от сырости, пока она их откроет, вор будет уже рядом.

Оставался один выход. Прятаться.

Она бесшумно, как тень, сползла с дивана. Колени дрожали так, что едва держали вес. В темноте спальни, едва озаряемой редкими, слабыми вспышками уходящих зарниц, высился огромный, трехстворчатый дубовый шкаф — дореволюционный монстр, который Полина днем с трудом протерла от пыли. Он казался монолитной скалой.

Полина сделала два шага к шкафу, молясь, чтобы половицы под её ногами не издали ни звука. Слава богу, ковер на полу скрадывал шаги. Она взялась за холодную латунную ручку средней створки. Дверца поддавалась на удивление плавно и без единого скрипа — видимо, тётя Серафима регулярно смазывала петли своего любимого гарнитура.

Внутри шкафа пахло нафталином, сухой пылью и старой шерстью. Полина протиснулась внутрь, забившись в дальний угол между какими-то тяжелыми зимними пальто и громоздкими сундучками с постельным бельем. Она аккуратно потянула дверцу на себя, закрывая её почти до конца, но оставив крошечную, буквально в пару миллиметров, щелку для воздуха и обзора.

Едва она успела занять свое убежище, как дверь в спальню со скрипом отворилась.

Полина зажала рот обеими ладонями, сдерживая рвущееся наружу судорожное дыхание. Сердце колотилось в груди со страшной силой, ей казалось, что этот стук слышен на весь дом.

В комнату кто-то вошел. Яркий, узкий луч мощного светодиодного фонаря разрезал темноту спальни. Луч прошелся по дивану со скомканным одеялом, замер на мгновение, словно вор соображал, куда делась хозяйка, а затем начал методично обшаривать комнату.

Сквозь щелку в шкафу Полина видела лишь часть помещения, но этого было достаточно. Когда луч фонаря отразился от зеркала комода, комната на секунду осветилась сильнее, и Полина увидела силуэт ночного гостя.

Это был мужчина среднего роста, плотного сложения. На нем была надета черная кожаная куртка-косуха — мокрая, блестящая от дождевых капель, которые отражали свет фонаря. Капюшон толстовки был накинута на голову, скрывая лицо, но общая конституция, манера двигаться — резкая, пружинящая — и эта самая куртка... Всё кричало о том, что перед ней Глеб. Тот самый наглый парень из супермаркета, который обещал, что её «зубки здесь обломаются».

«Боже мой, он пришел поджечь дом? Или убить меня?» — паническая мысль обожгла мозг Полины. Она потянулась рукой к карману штанов, но с ужасом поняла, что куртка с газовым баллончиком осталась лежать на стуле у дивана, прямо на виду. Она была абсолютно беззащитна.

Однако вор, похоже, не искал Полину. Его интересовало совсем другое.

Он подошел к комоду. С грохотом выдвинул верхний ящик, перевернул его, вываливая на пол старые тётины платки, кружева и документы. Послышался сухой треск — вор безжалостно рвал старые конверты, просматривая их на свет.

— Сука, где эта хрень? — донесся до Полины приглушенный, хриплый шепот. Голос показался ей знакомым, хотя из-за шума дождя и капюшона стопроцентной уверенности не было. Но интонации были те же — наглые, злые.

Вор действовал с пугающей, варварской жестокостью. Он подошел к дивану, сорвал гобеленовое покрывало с оленями, швырнул его на пол. Затем достал из-за пояса длинный, зловеще блеснувший в луче фонаря нож и с силой вонзил его в матрас. Послышался отвратительный звук рвущейся ткани. Вор методично, полоса за полосой, кромсал старый матрас, запуская внутрь руку, ища что-то среди пружин и ватина. Летели клочья набивки.

Полина в шкафу зажмурилась, слезы брызнули из глаз от дикого страха и бессилия. Её идеальный мир порядка уничтожали прямо на её глазах, и она ничего не могла сделать. Если бы этот человек открыл шкаф, её жизнь оборвалась бы здесь, среди нафталиновых пальто.

Уничтожив диван, вор переключился на книжный шкаф в углу. Он хватал старинные книги в кожаных переплетах, варварски листал их, вытряхивая возможные вложения, и бросал на пол. Страницы летели в разные стороны, как подбитые птицы. На пол полетел и ноутбук Полины, оставленный на столике — тяжелый пластиковый корпус треснул, но вор даже не посмотрел на дорогую технику. Деньги, гаджеты — его это не интересовало. Он искал клад. Или подсказку, о которой говорил Аркадий Семенович.

Разгромив спальню и не найдя ничего, кроме старых бумаг, вор глухо выругался. Он с силой пнул венский стул, тот отлетел к стене и с треском лишился одной из гнутых ножек.

— Нету... Ни хрена тут нету, старая карга всё с собой унесла, — пробормотал он.

Луч фонаря в последний раз прошелся по комнате, замер на дверцах дубового шкафа, где пряталась Полина. Сердце у нее, казалось, вообще перестало биться. Она замерла, превратившись в статую. Секунда... две... три... Луч сдвинулся. Шаги направились к выходу из комнаты.

Вор вышел в коридор, и оттуда сразу донеслись звуки погрома: грохот падающей мебели, звон разбиваемой посуды на кухне. Он переворачивал дом вверх дном, ломал буфеты, выбивал филенки дверей, проверяя каждый потайной уголок, каждую половицу.

Этот кошмар продолжался, казалось, целую вечность, хотя на самом деле прошло не более пятнадцати минут. Наконец, со стороны кухни донесся громкий треск верандной двери — ночной гость покидал дом тем же путем, каким и пришел. Напоследок он с силой хлопнул створкой, и в доме снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь ровным, затихающим шумом летнего дождя.

Полина просидела в шкафу еще минут десять. Ноги окончательно затекли, превратившись в чужие, покалывающие игольками бруски, но страх по-прежнему держал её в тисках. Ей казалось, что это ловушка, что вор притаился за дверью спальни и ждет, когда она выйдет.

Наконец, инстинкт самосохранения подсказал: нужно бежать. Остаться в этом разгромленном, беззащитном доме с разбитыми окнами было чистым безумием. Вор мог вернуться с сообщниками.

Она осторожно толкнула дверцу шкафа. Та тихо скрипнула. Полина выбралась наружу, едва не упав от слабости в ногах.

В комнате царил суший хаос. В слабом предрассветном свете — а небо за окном уже начало едва заметно сереть — спальня выглядела жутко. Разорванный матрас, горы разорванных книг и бумаг на полу, обломки стула. Настоящее пепелище её порядка.

Полина подбежала к стулу, схватила свою джинсовую куртку, судорожно проверила карман — газовый баллончик был на месте. Она подхватила сумочку, где лежал телефон и документы. Телефон по-прежнему показывал отсутствие сети.

Она вышла в коридор. Кухня была разгромлена: старинный буфет повалили на пол, посуда — тот самый кузнецовский фарфор, который она так бережно протирала утром — превратился в гору белых и расписных осколков. Банка с вишневым компотом была разбита, и темно-красная, похожая на кровь жидкость медленно растекалась по вымытому полу, смешиваясь с осколками стекла.

Полину захлестнула новая волна паники. Ей стало душно, стены дома словно сжимались, пытались раздавить её. Ей нужно было выбраться отсюда. Немедленно.

Она подбежала к парадной двери, трясущимися пальцами отодвинула тяжелый железный засов, который так и не спас её от проникновения с тыла, повернула ключ и выскочила на крыльцо.

На улице по-прежнему шел дождь — уже не ураганный ливень, а ровный, монотонный, холодный предрассветный дождь. Воздух стал свежим, даже прохладным. Светловодск спал. Окна соседних домов были темны. Полина посмотрела на забор бабы Нади. Ей безумно хотелось постучать в её окно, попросить помощи. Но логичный разум нотариуса мгновенно выдал суровое резюме: «Нельзя. Баба Надя — пожилая, беззащитная женщина. Если вор крутится рядом, ты просто подставишь старуху под удар. К тому же, её внук Денис... Этот хмурый парень, который так странно смотрел на вас с Аркадием Семеновичем... Можно ли ему доверять? Кто знает, на кого он работает».

Куда идти? В полицию? Но где в этом незнакомом ночном городе находится отделение? Телефоны не работают, связи нет.

И тут Полина вспомнила. *«Дмитрий Николаевич, хозяин порта нашего... Мужик серьезный, бывший военный, порядка строгого держится»*, — всплыли в памяти утренние слова бабы Нади. А Аркадий Семенович перед тем, как убежать, кричал: *«Не верьте никому в этом городе... Особенно тем, кто кажется самым надежным»*.

Но выбрать не приходилось. Порт работал круглосуточно — Полина видела это еще из окна поезда, да и баба Надя упоминала, что там вечно горят огни и разгружаются баржи. Там люди. Там сила. Там есть охрана и, скорее всего, стационарная телефонная связь.

Полина, не разбирая дороги, бросилась вниз по переулку, в сторону реки.

Дождь мгновенно промочил её сухую толстовку, капюшон упал, и холодные капли заструились по лицу, смешиваясь со слезами, которые она больше не пыталась сдерживать. Она бежала по темным, пустым улицам Светловодска, спотыкаясь о камни и проваливаясь в лужи. Город, который еще вечером казался ей уютным и купчески-очаровательным, теперь превратился в лабиринт, полный скрытых угроз. Из каждого темного переулка ей чудился треск мотоциклетного мотора или блеск длинного ножа.

Вдруг впереди, сквозь пелену дождя и серую предрассветную хмарь, пробились мощные, ровные огни. Это были не тусклые городские фонари, а мощные прожекторы на высоких мачтах. Они заливали ярким, желтовато-белым светом огромную территорию.

Речной порт.

Полина выбежала на финишную прямую — широкую асфальтированную дорогу, ведущую к проходной. Сквозь шум дождя донесся тяжелый, мерный гул работающего дизеля и приглушенные крики рабочих. На причале у огромного крана стояла массивная баржа. Порт жил своей ночной, суровой жизнью, не обращая внимания на непогоду.

Полина бежала из последних сил. Сердце хрипело в груди, ноги были словно налиты свинцом, а промокшие спортивные штаны тяжело хлопали по щиколоткам. Она видела впереди небольшое кирпичное здание проходной со светящимся окошком и шлагбаумом. За стеклом виднелся силуэт человека в форме.

Она ворвалась на территорию порта как безумная тень — мокрая, растрепанная, с дикими глазами, сжимая в руке сумочку. Охранник на проходной, пожилой мужчина с заспанным лицом, от неожиданности едва не выронил кружку с чаем.

— Эй, девка! Ты откуда такая? Сюда нельзя, закрытая территория! — крикнул он, выходя на крыльцо под навес.

Но Полина даже не остановилась. Она проскочила мимо шлагбаума, тяжело дыша, и бросилась вглубь портового двора, туда, где на возвышении стояло двухэтажное здание управления с вывеской «Светловодский речной порт» и большими панорамными окнами, в одном из которых горел теплый, мягкий свет. Там, за этим окном, была её единственная надежда на спасение. Её причал в этой безумной, штормовой ночи.

Глава 4

Асфальт на территории речного порта был уложен на совесть — ровный, крупнозернистый, без утренних светловодских колдобин. Но для Полины, чьи ноги после безумного спринта вниз по холму налились свинцовой тяжестью, этот гладкий путь казался бесконечным. Мощные портовые прожекторы, установленные на высоких металлических мачтах, безжалостно разрезали серую предрассветную хмарь. Их резкий желтовато-белый свет дробился и множился в огромных лужах, превращая портовый двор в подобие фантастического зеркального лабиринта.

Позади что-то кричал старый охранник, высунувшись из окошка проходной, но Полина не оборачивалась. Она бежала вперед, мимо циклопических силуэтов порталных кранов, которые в утреннем тумане походили на замерших гигантских богомолов. Справа, у причальной стенки, глухо и мерно рокотал дизель пришвартованной баржи; доносился тяжелый металлический скрежет, крики майнавших груз докеров. Порт жил своей суровой, невиданной для обывателя ночной жизнью, плюя на закончившуюся грозу и монотонный июльский дождь, который теперь просто уныло сеял с неба, превращая флисовую толстовку Полины в мокрый холодный панцирь.

Двухэтажное здание управления из темно-красного кирпича выросло перед ней внезапно. Огромные панорамные окна второго этажа были темны, но на первом, прямо под козырьком во всю стену, горели уютные теплые огни. Над дверью покачивалась аккуратная вывеска: «Капитанская дочка. Портовое кафе». Изнутри доносился негромкий гул работающих холодильников и, кажется, приглушенные звуки радио.

Полина взлетела по трем ступеням крыльца, толкнула тяжелую стеклянную дверь, краем сознания удивившись тому, что она не заперта, и буквально ввалилась внутрь.

Сухой, почти одуряюще горячий воздух кафе мгновенно ударил в лицо. Здесь пахло так, как может пахнуть только в правильном прибрежном заведении: свежемолотым кофе, корицей, печеным тестом и едва уловимо — соленой речной свежестью, которую заносили на одежде редкие ночные посетители. После ледяного ливня, разгромленного дома и нафталинового ужаса дубового шкафа этот зал показался Полине филиалом рая на земле.

Она остановилась у порога, тяжело, со свистом дыша, прижимая к груди мокрую сумочку. Вода с её серых спортивных штанов и рукавов толстовки размашистыми струями стекала прямо на идеально чистый плиточный пол плиточного пола.

За стойкой из темного дерева, протирая стеклянный бокал белоснежным полотенцем, стояла девушка. На вид ей было не больше двадцати четырех лет. Тоненькая, гибкая, с высокой, точеной шеей и копной темно-рыжих волос, собранных в задорный конский хвост на макушке. На ней был надет строгий фартук цвета горького шоколада поверх простой зеленой футболки. Лицо девушки — с тонкими чертами, россыпью забавных веснушек на переносице и огромными, удивительно ясными карими глазами — мгновенно отразило крайнюю степень изумления.

Она замерла с бокалом в руке, окинула взглядом мокрую, дрожащую Полину с дикими, воспаленными глазами и растрепанными волосами, и тут же, без лишних слов, бросила полотенце на стойку.

— Господи... Вы откуда же такая? — голос девушки был мягким, но в нем чувствовалась привычка действовать быстро, без провинциальной медлительности.

Она ловко откинула секцию барной стойки, вышла в зал, подхватила под локоть готовую упасть от усталости Полину и потащила её к дальнему столику, расположенному в уютной нише у большой чугунной батареи-радиатора.

— Садитесь, садитесь скорее. Вас как будто из Волги только что выловили. Ну-ка, снимайте эту мокрую жуть, — она потянула за край флисовой толстовки Полины.

— Там... там в доме... — хрипло, едва ворочая онемевшим от холода и страха языком, вытолкнула из себя Полина. Её фирменный столичный апломб, умение формулировать мысли четко и юридически безупречно растворились в ночной воде. — Кто-то был. В куртке... Он всё сломал. Нож... большой нож...

— Тихо, тихо, спокойно, — девушка уже стаскивала с Полины мокрую насквозь толстовку. Под ней оказалась простая хлопковая майка, к счастью, пострадавшая меньше. — Сейчас разберемся. Главное — вы здесь, в порту. У нас тут охрана, мышь не проскочит. Меня Варей зовут, я здесь хозяйничаю. А вы... подождите, вы же Полина? Племянница бабы Симы Савёловой? Мне про вас баба Надя все уши прожужжала!

Полина лишь слабо кивнула, зубы её отчаянно выбивали чечетку. Варя мгновенно исчезла за стойкой и вернулась через тридцать секунд. В руках она несла огромный, пушистый шерстяной плед в красно-зеленую клетку и массивную кружку из толстой керамики, от которой поднимался густой, ароматный пар.

— Вот, держите. Заворачивайтесь плотнее, — Варя укутала Полину пледом, словно маленького ребенка, и вложила в её дрожащие пальцы горячую кружку. — Пейте. Это чай на травах — чабрец, мята, смородиновый лист. Сама собирала. И меда туда бахнула три ложки, для сугреву. Давайте, мелкими глотками.

Полина послушно припала губами к краю кружки. Горячий, сладкий, терпкий напиток огненной струей пролился внутрь, мгновенно отозвавшись покалывающим теплом в замерзших пальцах ног и рук. Она закрыла глаза, чувствуя, как безумный ритм сердца в груди начинает постепенно выравниваться. Запах чабреца и мяты вытеснял из памяти удушливый нафталиновый дух шкафа.

— Ну вот, щеки розоветь начинают, — удовлетворенно констатировала Варя, присаживаясь напротив на венский стул. — А теперь рассказывайте, только не торопитесь. Что произошло в доме Савёловых? Кто ворвался?

Полина сделала еще один глоток, собирая остатки воли в кулак. — Я вернулась с набережной... была гроза. Легла спать. Проснулась от того, что кто-то выставил стекло в верандной двери. Мужчина. На нем была черная кожаная куртка... косуха. С капюшоном. Он обыскал весь первый этаж. Разрезал матрас ножом, вышвырнул все книги, разбил буфет... Он что-то искал. Очень злобно. Я... я спряталась в шкафу. Он меня не заметил. А потом ушел через веранду, и я побежала сюда. Телефоны не работают, связи нет...

Варя слушала, и её симпатичное лицо становилось всё более серьезным. На слове «косуха» её губы упрямо сжались, а в глазах промелькнуло хорошо знакомое Полине выражение — так смотрят люди, которые точно знают, о ком идет речь, но до последнего надеются, что ошиблись.

— Куртка, говорите... — тихо протянула Варя. — Кожаная? И двигался так... дергано?

— Да! — Полина подалась вперед, плед соскользнул с её плеча. — Вечером в магазине я столкнулась с парнем по имени Глеб. Он угрожал мне. Сказал, что у меня обломаются зубы, и намекал на тёткин дом. Это был он, Варя! Я уверена!

— Так, стоп, ребята! Это что тут за эксклюзивный контент намечается в четыре часа утра?!

Голос, раздавшийся из глубины зала, заставил обеих девушек вздрогнуть. Из-за дальней перегородки, отделявшей банкетную зону, неторопливо выбрался молодой человек. На вид ему было около двадцати шести лет. Выглядел он так, словно только что сошел со страниц модного столичного журнала о путешествиях: стильные очки в дорогой матовой оправе, идеально подстриженная борода, дизайнерские джинсы и худи оливкового цвета. В руках он держал

новейшую модель смартфона, закрепленную на небольшом электронном стабилизаторе-гимбале. На плече у него болтался легкий рюкзак, с которого свисал сложенный квадрокоптер.

Парень двигался быстро, его глаза за стеклами очков лихорадочно блеснули от профессионального азарта. Он уже на ходу тыкал пальцем в экран телефона, явно пытаясь запустить запись.

— Олег, убрал камеру! Быстро! — Варя вскочила со стула, и её голос мгновенно растерял всю свою мягкость, став звонким и опасным, как щелчок бича. — Я кому сказала, столичный стервятник! Только попробуй навести свой аппарат на человека!

— Варь, ну ты чего, ну не ломай картинку! — запричитал парень, делая шаг назад, но не опуская гаджет. — Ты представь, какой заголовок для моего блога: «Ночной кошмар на Волге: московский адвокат спасается бегством от маньяка с ножом!». Это же тысячи просмотров, это же чистый тру-крайм! Девушка, милая, — он умоляюще посмотрел на Полину. — Я Олег, независимый журналист, тревел-блогер. Расскажите на камеру, буквально два слова: лицо нападавшего видели? Оружие какое было? Это местная мафия, да?

— Я нотариус, а не адвокат, — на автомате, ледяным тоном поправила его Полина, в которой от этой наглости вдруг снова проснулся профессиональный сухарь.

— Олег, я сейчас возьму швабру и твой Дрон дурацкий засуну тебе туда, откуда у тебя руки растут! — Варя решительно шагнула к блогеру, её маленькие кулачки сжались. — Человек в шоке, замерз, её чуть не убили, а ты со своими просмотрами лезешь! Пошел вон из зала! Живо!

— Да ладно, ладно, чего ты сразу драться-то... — Олег примирительно поднял свободную руку, но камеру полностью не выключил, лишь опустил её на уровень груди. — Я же просто зафиксировать факт. Между прочим, фиксация улики — первое дело. Гроза, связи нет, город отрезан от мира, и тут такое... Романтика провинции, блин.

— Я тебе покажу романтику... — процедила Варя, оглядываясь в поисках обещанной швабры.

Дуэль взглядов между портовой «капитанской дочкой» и московским блогером прервал низкий, густой звук открывшейся входной двери. Но на этот раз никто не вздрогнул. В зале сразу воцарилась какая-то особая, плотная тишина — тишина подчинения и абсолютного авторитета.

В кафе вошел мужчина.

Полина, затаив дыхание, смотрела на него из своего угла. Он был высоким — под метр девяносто, широкоплечим, с массивной, по-военному прямой осанкой. На вид ему было около сорока лет. Лицо крупное, обветренное, со следами старого застарелого загара, который не сходит даже зимой. Коротко стриженные темные волосы с легкой проседью на висках, волевой подбородок с четкой складкой и удивительно спокойные, глубокие серо-стальные глаза. На нем была простая, но дорогая штормовка цвета хаки, темно-синие джинсы и тяжелые армейские ботинки на толстой подошве.

От мужчины исходил тонкий, но отчетливый шлейф ароматов, который Полина зафиксировала моментально: запах большой речной воды, мокрого брезента, дорогого крепкого табака и — надежности. Абсолютной, несокрушимой мужской надежности, которой так не хватало в её идеальной, но хрупкой московской жизни.

— Что за шум, а драки нет? — негромко спросил он.

Голос у него был низким, бархатным, с приятной хрипотцой. Он не кричал, но Олег моментально опустил свой стабилизатор, а Варя как-то сразу обмякла и послушно опустила плечи.

— Дима... Тут такое... — Варя подбежала к нему, хватая за рукав штормовки. — Это Полина, племянница Серафимы Кузьминичны. На её дом напали. Час назад. Кто-то всё раз-

громил, искал что-то. Она пешком из города прибежала, мокрая вся, испуганная. А этот... этот придурок столичный со своим телефоном к ней лезет!

Дмитрий Николаевич — а это был именно он, хозяин порта — медленно перевел взгляд с сестры на Олега. Ни единый мускул на его лице не дрогнул, но блогер почему-то сглотнул, аккуратно выключил экран смартфона и спрятал его в карман худи.

— Олег, иди к себе в номер, — спокойно, но свинцово-тяжело произнес Дмитрий. — Твой оплаченный тур начнется в девять утра. До этого времени я тебя в порту видеть не хочу. Вопросы есть?

— Нет, Дмитрий Николаевич. Всё понял. Ухожу, — буркнул Олег, вскинул рюкзак и быстро, стараясь не смотреть на Варю, прошмыгнул мимо хозяина порта к выходу, ведущему во внутренний коридор гостиничного крыла.

Дмитрий проводил его взглядом, затем неторопливо снял штормовку, оставшись в простом темном свитере крупной вязки, повесил её на вешалку у входа и повернулся к Полине. Он подошел к её столику, аккуратно придвинул стул и сел напротив. Полина невольно отметила его руки — крупные, с сильными пальцами, со следами каких-то старых шрамов, но очень аккуратные.

— Здравствуйте, Полина Андреевна, — произнес он, и в его глазах появилось мягкое, теплое выражение. — Меня зовут Дмитрий. Дмитрий Николаевич Сабуров. Я руководил... ну, помогал вашей тётушке в последние годы. Баба Надя мне уже звонила вчера, предупреждала, что вы приехали. Извините, что встречаем вас таким образом. Порядка в городе стало меньше, чем хотелось бы.

Полина, укутанная в плед, сжимала кружку с чаем. Рядом с этим человеком её паника окончательно отступила, сменившись тяжелой, глухой усталостью.

— Здравствуйте, Дмитрий, — тихо ответила она. — Спасибо вашей сестре, она меня буквально спасла.

— Варя у меня молодец, — Дмитрий мельком улыбнулся девушке, которая уже несла со стойки вторую кружку чая, на этот раз для брата. — А теперь давайте еще раз, спокойно. Я слышал краем уха ваш разговор. Вы утверждаете, что это был Глеб?

Полина кивнула. — Вечером в мага он подошел ко мне. Спрашивал про тёткины вещи. Говорил про какое-то купеческое серебро, иконы. Сказал, что его дядя-антиквару Лев Соломонович готов всё купить за наличные. Когда я отказала и пригрозила полицией, он взбесился. Сказал... сказал, что Волга река глубокая, люди тонут. И чтобы я была осторожнее с огнем в старом доме. А ночью... ночью этот человек в косухе ворвался на веранду. Я видела его сквозь щель в шкафу. Рост, комплекция, куртка — всё сходится. Он кромсал матрас ножом. Перевернул все книги. Разбивал посуду.

Дмитрий слушал, не перебивая. Его лицо постепенно каменело, а серые глаза сузились, превратившись в холодные осколки речного льда. Он сделал глоток чая, аккуратно поставил кружку на стол и постучал пальцами по дереву.

— Глеб — дурак, — констатировал Сабуров глухо. — Наглый, трусливый обормот. Набрал долгов у заезжих копателей, теперь крутится как уж на сковородке. Но чтобы пойти на мокрое дело или на прямой разбой... Тут у него кишка тонка. Кто-то за ним стоит, Полина Андреевна. Кто-то взрослый и очень серьезный.

Полина вспомнила визит дневного гостя. — Аркадий Семенович... краевед. Он приходил ко мне днем. Говорил странные вещи. Про коллекцию старинных дореволюционных монет, которую спрятал мой прапрадед Савва Савёлов. Уверял, что тётя Серафима знала тайну и оставила подсказку в доме. И что на неё давили какие-то «респектабельные люди» из города. Он обещал встретиться со мной вчера в девять вечера у старого дебаркадера, принести архивные выписки. Но я прождала его под дождем, он так и не пришел.

Дмитрий резко поднял голову. — Аркадий? К дебаркадеру? В девять вечера?

— Да. А что?

Сабуров переглянулся с Варей. В глазах девушки отразился неподдельный испуг. Дмитрий тяжело вздохнул, провел ладонью по лицу.

— Дело в том, Полина, что вчера в начале десятого, прямо перед самым пиком грозы, мои ребята с обходного катера видели Аркадия Семеновича. Он шел по набережной в сторону города. Живой и здоровый. Но портфель его... он всегда с ним таскался, с кожаным таким... портфеля при нем не было. И выглядел он, со слов парней, как привидение. Шатался. Ладно, с Аркадием я сам разберусь утром, благо его дом тут недалеко. Сейчас главное — вы.

Он поднялся со стула, и Полина невольно потянулась за ним взглядом — настолько сильное поле уверенности распространял этот мужчина.

— Так, Варя, — скомандовал Дмитрий. — Закрывай кафе. Ночных смен больше не будет, докерам термос с кофе выдай на причал, пусть там пьют. Сама иди спать. Полина Андреевна, вы в свой дом на Нижней Набережной сегодня не вернетесь. Это исключено. Там выбиты окна, гуляет сквонзьяк, да и полицию надо вызывать, фиксировать погром. Но сейчас, в пять утра, будить экспертов из района бесполезно — связь из-за грозы лежит, пока ремонтники вышки не починят, мы никому не дозвонимся.

— А где же мне... — Полина растерянно посмотрела на свой мокрый спортивный костюм.

— У меня в порту, прямо у причала, есть гостевой домик, — мягко произнес Дмитрий, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться. — Крепкий брусовой сруб, строился для министерских комиссий и важных клиентов. Там есть автономное отопление, горячая вода, чистая постель и — засов на двери толщиной с мою руку. Мои парни из охраны караулят периметр круглосуточно. Там вас никто не побеспокоит. Вы спите до обеда, отсыпаетесь. А я сейчас возьму Серегу и Михалыча с проходной, мы поднимемся к вашему дому, заколотим веранду плитами ОСБ, чтобы мародеры не залезли, и я заберу ваши вещи. Чемодан где?

— В спальне первого этажа... у дивана, — Полина послушно вложила свою ладонь в его огромную, теплую ладонь. Пальцы Дмитрия сжались аккуратно, но крепко. — Там еще портативный принтер и ноутбук... Правда, вор швырнул его на пол, не знаю, уцелел ли он. И документы... документы на наследство в папке на столе.

— Всё заберу, всё привезу в целости и сохранности, — кивнул Сабуров. — Варя, дай Полине сухую куртку. Свою, синюю, флисовую. Она ей впору будет.

Через пять минут Полина, переодетая в сухую, пахнущую лавандовым кондиционером Варину куртку, шла вслед за Дмитрием по деревянным мосткам причала. Дождь почти утих, превратившись в едва заметную водяную пыль. Над Волгой поднимался густой, белый, как парное молоко, утренний туман. Он мягкими волнами перекачивался через бревна настила, скрывая воду, отчего казалось, что они идут прямо по облакам.

Гостевой домик стоял на самой оконечности мыса, чуть в стороне от шумной зоны погрузки. Это был аккуратный, пахнущий смолой и свежим деревом двухэтажный коттедж с просторной верандой, выходящей прямо на реку.

Дмитрий поднялся по ступеням, открыл дверь массивным ключом, пропустил Полину вперед и щелкнул выключателем на стене. На удивление, здесь свет загорелся — в порту явно работала своя, независимая дизель-генераторная подстанция.

Внутри было удивительно уютно. Стены из светлого, гладкого бруса, на полу — пушистый ковер, в углу тихонько пощелкивал электрический конвектор, наполняя комнату сухим, ласковым теплом. В центре стояла большая двухспальная кровать, застеленная хрустящим, белоснежным бельем. На журнальном столике — электрический чайник, чашки и вазочка с конфетами. Чисто столичный уровень комфорта, но с неповторимым речным колоритом.

— Располагайтесь, — Дмитрий прошел к окну, задернул плотные шторы, отсекая серый предрассветный свет. — Душевая кабина там, за дверью. Полотенца чистые на полке. Бойлер включен, горячая вода есть. Запритесь изнутри вот на этот замок, — он показал на массивную

стальную вертушку. — Окна здесь бронированные, антивандальные, их кирпичом не пробить. Мой пост охраны — в пятидесяти метрах, у вас под окнами каждые полчаса будет проходить патруль. Понятно?

Полина стояла посреди комнаты, чувствуя, как её «московская броня» — эта вечная привычка контролировать всё вокруг, не доверять мужчинам и надеяться только на себя — окончательно осыпается мелкими осколками. Ей было тепло. Ей было безопасно. И этот огромный, молчаливый хозяин порта казался ей сейчас самым прекрасным существом во вселенной.

— Спасибо вам, Дмитрий Николаевич, — искренне, без тени юридической сухости произнесла она. — Я... я не знаю, что бы делала без вас.

Дмитрий остановился у двери, обернулся. Его лицо в мягком свете бра казалось спокойным и очень надежным.

— Вы бы справились, Полина Андреевна. Вы девушка сильная, я это сразу по глазам понял. Но в нашем городе сильным женщинам тяжело. Отдыхайте. Вещи будут через час, я оставлю их на веранде. Спать. Это приказ капитана.

Он коротко кивнул, вышел и тихо прикрыл за собой дверь. Полина услышала его тяжелые, удаляющиеся шаги по деревянным мосткам причала.

Она подошла к двери, повернула стальную вертушку замка до упора. Снаружи раздался четкий, надежный щелчок. Полина выдохнула, стянула кроссовки и прошла в ванную. Горячий душ окончательно смыл с неё остатки ночного кошмара.

Полчаса спустя, завернувшись в мягкое Варино полотенце, она забралась под тяжелое, теплое одеяло. Кровать была огромной и удобной. За окном тихо шуршал затихающий июльский дождь, где-то далеко, на реке, глухо и предупреждающе ухнул гудок уходящего теплохода. Но этот звук больше не пугал Полину. Она закрыла глаза и мгновенно провалилась в глубокий, чистый сон без сновидений — первый по-настоящему спокойный сон за последние годы её суетливой московской жизни. Она нашла свой причал.

Глава 5

Полина проснулась от того, что ей в лицо бил прямой, невыносимо яркий и горячий луч солнца. Она зажмурилась, попыталась повернуться на другой бок, но незнакомая, слишком мягкая подушка и непривычный, густой запах свежего соснового бруса мгновенно вернули её к реальности.

Она открыла глаза и несколько секунд переваривала увиденное. Плотные шторы гостевого домика, которые Дмитрий Николаевич так заботливо задернул перед уходом, слегка разошлись, и в эту щель лавиной вливалось яростное, ослепительное июльское утро. Ночной шторм, который еще несколько часов назад казался концом света, ушел безвозвратно, оставив после себя пронзительно-синее, чистое небо и сумасшедшую, влажную жару. Солнце снова палило во всю мощь, и сквозь стекло было видно, как над зеркальной гладью Волги поднимается легкий, дрожащий пар. Город и река стремительно высыхали, превращаясь в гигантскую сияющую баню.

Полина села на кровати, подтянув колени к подбородку. На ней по-прежнему было огромное, пушистое махровое полотенце, в которое она завернулась после горячего душа. Тело приятно поднывало от вчерашнего безумного кросса по светловодским холмам, но голова, к её удивлению, была абсолютно ясной. Страх, парализовавший её в дубовом шкафу, выветрился, уступив место какому-то странному, злему упрямству. Полина Коршунова не привыкла бегать. Она была нотариусом, человеком закона, и то, что какой-то прибалтненный хулиган превратил дом её предков в развалины, вызывало в ней теперь не ужас, а холодную, расчетливую ярость.

На прикроватной тумбочке тихо зажужжал телефон. Полина вздрогнула и схватила гаджет. Экран ожил: на нем красовались две полоски сотовой сети — очевидно, ремонтные бригады в городе работали споро и уже починили вышку. Тут же посыпались запоздалые уведомления от Катеньки из московского офиса, какие-то рабочие письма, но Полину сейчас это не волновало. На часах было ровно половина десятого утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.